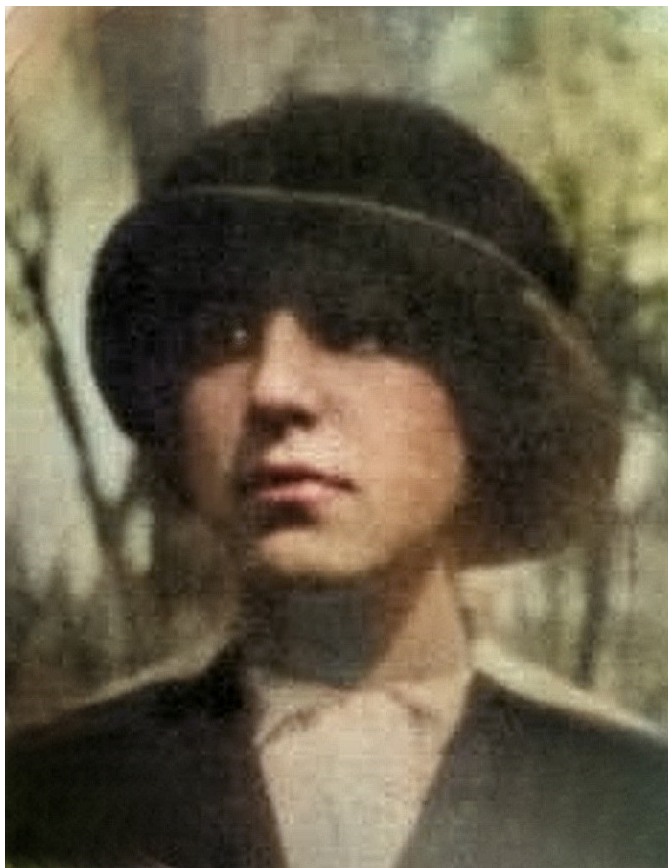

михаил петров

Самоубийца Львова
История старой шкатулки

Tallinn. 2024

«От каждого, вступавшего в орден (а символизм в известном смысле был орденом), требовалось лишь непрерывное горение, движение — безразлично во имя чего. Все пути были открыты с одной лишь обязанностью — идти как можно быстрее и как можно дальше. Это был единственный, основной догмат. Можно было прославлять и Бога, и Дьявола. Разreshалось быть одержимым чем угодно: требовалась лишь полнота одержимости».

Владислав Ходасевич. Некрополь, глава «Конец Ренаты».

© 2024 Michael Petrov.

Валерий Брюсов

Когда-то давно мне повезло первым опубликовать стихотворение Игоря-Северянина «На смерть Валерия Брюсова». Для меня это было важно, но теперь, когда уже опубликовано столько и впервые, приоритеты первых публикаций тех далёких лет для литературоведения уже не имеют никакого значения. Однако о первопубликации ниже, а пока в Петербурге 1912 года Игорь-Северянин знакомится с Валерием Брюсовым.

Подробности знакомства важны для понимания последующих событий. Пересказ не поможет, поэтому будьте готовы к обилию цитат:

«Однажды зимой я только что зажег лампу, как кто-то позвонил к нам. “Брюсов”, – доложила прислуга. Взволнованный до глубины души этим новым проявлением с его стороны ко мне исключительного опять-таки внимания, я поспешил встретить его. Быстро скинув меховую шубу и сбросив калоши, он вошел в мою комнату, служившую мне в то время одновременно и спальней, и кабинетом. Разговор наш длился около часа. <...> Уже прощаясь, Брюсов предложил мне выступить со стихами в Московском литературно-художественном кружке, где он состоял директором. Кроме того, он просил меня прочесть там же доклад об Эго-фут<уризме>. От последнего я мягко уклонился, стихи же обещал прочесть. Мы условились, что он напишет мне, когда я должен буду приехать в Москву. <...>

Получив от Брюсова письменное приглашение и деньги на дорогу, я поехал в Москву. Переодевшись в гостинице, я, как было уловлено, отправился к нему на Первую Мещанскую ул. 32. У него я застал профессора С. А. Венгерова, ныне уже тоже умершего. Валерий Яковлевич познакомил меня с Иоанной Матвеевной, своей женой, и мы прошли сначала в кабинет, очень просторный, все стены которого были обставлены книжными полками. Бросалась в глаза пустынность и предельная простота обстановки. На стене висел портрет хозяина изумительной работы Врубеля. Сначала разговор шел о литературе вообще, затем он перешел на предстоящее мое московское выступление.

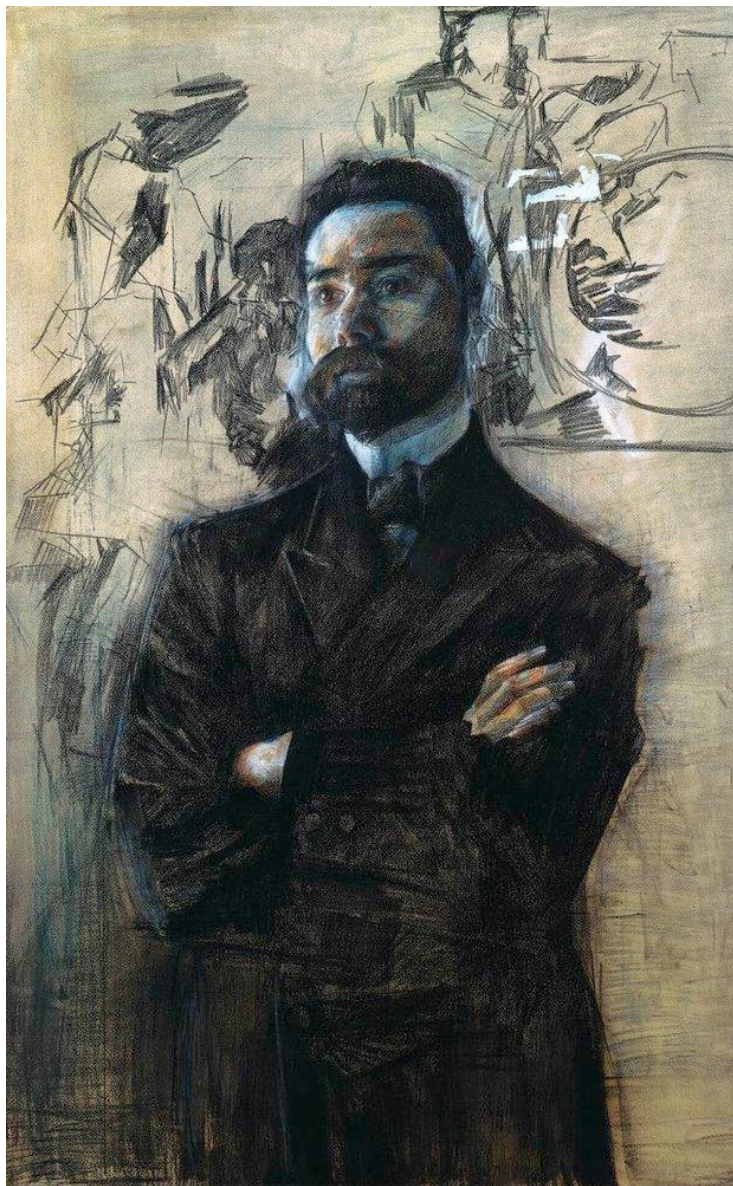
«Я очень заинтересован вашим дебютом, — улыбнулся В. Я., — и хочу, чтобы он прошел блестяще. Не забудьте, что Москва капризна: часто то, что нравится и признано в Петербурге, здесь не имеет никакого успеха. В особенности это касается театра. Впрочем, это старая история, и вы, думается, неоднократно сами слышали об этом антагонизме. Главное, на что я считаю необходимым обратить ваше внимание, это чисто русское произношение слов иностранных: везде э оборотное читается как е простое. Например, сонэт произносите как сонет. Не улыбайтесь, не улыбайтесь, — поспешно заметил он, улыбкой отвечая на мою улыбку. — Здесь это очень много значит, уверяю вас».

Мне не хотелось обидеть его, я ему был признателен за дружеское предостережение, но все же совет его я отклонил довольно решительно. И мне не пришлось жалеть об этом. (Игорь-Северянин. Встречи с Брюсовым. Уснувшие весны. РГАЛИ, ф1152, оп. 1, е. х. 13.)

Здесь следует сделать паузу в цитате для двух пояснений. Во-первых, близкая знакомая Валерия Брюсова поэтесса Нина Петровская вспоминала:

«В 1905 г. покойный Врубель писал портрет Брюсова, находясь в психиатрической лечебнице д-ра Усольцева в Петровском парке в Москве. Щемящей безнадежной тоской над особняком шумели облетающие липы. В коридорах тоже тоска смертная. <...> В одной из этих одиночных камер полуслепой, безумный Врубель писал портрет Брюсова — каменную легенду немислимых плоскостей, линий углов, — стараясь замкнуть в гранитном футляре — огненный язык.

Брюсов не любил этого портрета. Чуть наклоненная вперед фигура поэта отделяется от полотна, испещренного иероглифами. Все в ней каменно, мертво, аскетично — застывшие линии черного сюртука, тонкие руки, скрещенные и плотно прижатые к груди, словно высеченное из гранита лицо. Живы одни глаза, — провалы в дымно-огневые бездны. Впечатление зловещее, почти отталкивающее. Огненный язык, заключенный в теснящий футляр банального черного сюртука. Это страшно. Две стороны бытия, пожирающие друг друга, — какой-то потусторонний намек...

Бумага, прессованный уголь, сангина, мел

Портрет этот никому не понравился. Мы с Брюсовым тайно согласились его уничтожить — просто искромсать ножом, — совершенно по-скифски и совершенно не думая ни о вечности, ни об убытках мецената. Помешало одно непредвиденное обстоятельство: в тот вечер, когда мы, будучи своими людьми, могли свободно пройти в редакцию «Золотого руна» в отсутствие издателя, лакей Филипп напился и не отпер нам дверь». (Н.Петровская. Воспоминания. Литературное наследство, т.85, с.784)

Фактически Петровская рассказала, как один безумец на пороге смерти написал портрет другого безумца на фоне стены в психиатрической лечебнице. Однако история имела забавное продолжение.

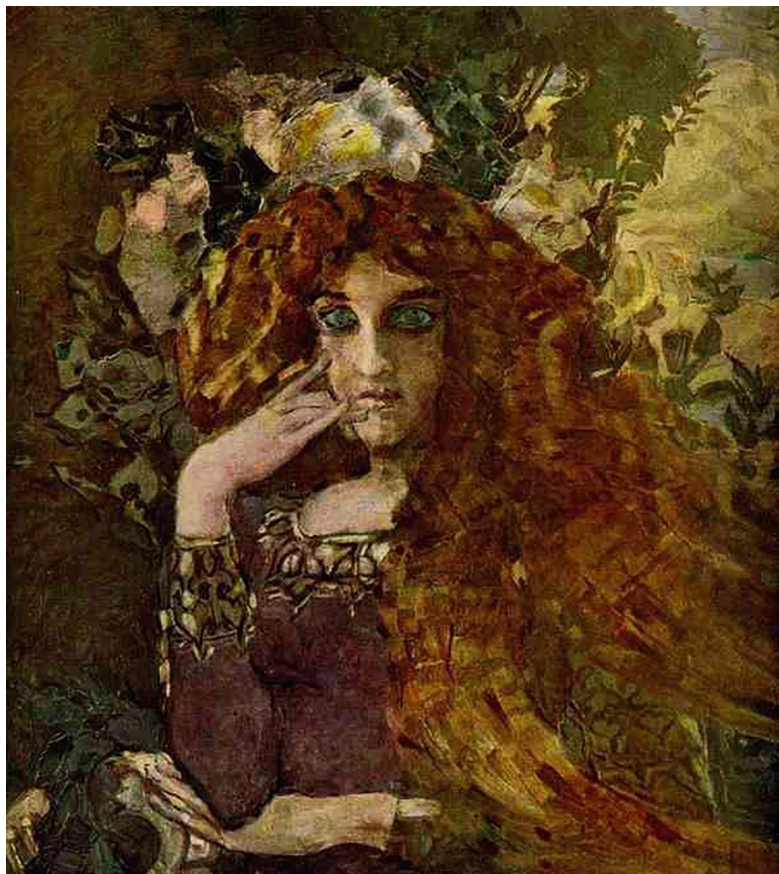
Георгий Иванов в «Китайских тенях», описывая комнату Игоря-Северянина в доме на Средней Подьяческой, упомянул декадентскую картинку над столом поэта. Поэт обиделся и вопреки правилу не отвечать на критику прозой ответил язвительным фельетоном «Шепелявая тень», в которой обозвал мемуариста вечным Ивановым, да и то вторым:

«А что касается “декадентской картинки”, то выходит как будто и совсем конфуз, ибо “картинка” эта была не более, не менее, как репродукция “Музы”... Врубеля! Приходится, видимо, мне повторить — который раз?! — мои строки из “Громокипящего кубка”: “...декадентом назван Врубель за то, что гений не в былом!” Так “описываются” эстеты!» (Игорь-Северянин. «Шепелявая тень».

Второе обстоятельство менее забавное, но крайне важное. Однажды две академические дамы опубликовали *почтовку* (почтовую карточку) Игоря-Северянина к его приятелю Леониду Афанасьеву, датированную апрелем 1912 года:

«Доктор сегодня выпустит меня на свободу — до субботы, а в субботу состоится операция, вызванная разрывом так называемой “уздечки”. Ужасно нервничаю, волнуюсь». (Игорь Северянин. Царственный паяц. Составители В.Н.Терёхина и Н.И.Шубникова-Гусева, «Росток», СПб, 2005)

Увы, опубликовано без приличествующих случаю академических комментариев. А жаль. Было бы чрезвычайно любопытно узнать академическое отношение к феномену уздечек.

Михаил Врубель. Муза. 1896.

Физиологически особь мужского пола имеет пару уздечек — подъязычную и соединяющую крайнюю плоть с головкой полового члена. Распространённая проблема — недостаточная длина уздечек. Короткая уздечка под крайней плотью делает интим болезненным. Короткая уздечка под языком мешает чистоте речи, особенно в моменты волнения. Это и есть та главная причина, по которой Игорь Северянин слегка *французил* и на сцене выпевал стихи на мотив полонеза Филины из оперы Амбруаза Тома «Миньон».

После успешного врачебного вмешательства проблема нижней уздечки была урегулирована и через год поэт второй раз стал отцом. Проблема верхней тоже разрешилась, однако пение стихов уже стало визитной карточкой поэта, хотя на российской сцене в этом он не был оригинален. И вот вам пример от обратного.

На углу Екатерининского канала и Средней Подьяческой — в минутной близости от дома Игоря-Северянина! — располагался просуществовавший пару сезонов Екатерининский театр. Руководил театром уроженец Тифлиса — баритон, актёр, режиссёр, композитор, автор-исполнитель и один из первых российских лётчиков Николай Георгиевич Прокофьев, вступавший под звучным псевдонимом *Северский*. Театр Северского — это прообраз современной эстрады. Северский экспериментировал с новым жанром — оживлял актёрской игрой цыганскую песню и городской романс до уровня театрализованного песенного концерта. Его партнёрами по сцене были знаменитые Анастасия Вяльцева и Юрий Морфесси.

Пересечение *Северянина* и *Северского* совершенно не изучено. Между тем первый оживлял актёрской игрой городской романс, а другой превратил стихи в музыку, извлекая, по тонкому наблюдению писателя Константина Паустовского, смысл не из текста, а из самого звука. Через несколько лет поэт заявит о себе:

Я — соловей: я без тенденций
И без особой глубины...
Но будь то старцы иль младенцы, —
Поймут меня, певца весны.
<...>
Я — соловей, и, кроме песен,
Нет пользы от меня иной.
Я так бессмысленно чудесен,
Что Смысл склонился предо мной

Это будет потом, а пока 20 декабря 1912 года Игорь-Северянин выступает у Брюсова в «Обществе свободной эстетики»:

«Мой дебют в «Эстетике» при лит<ературно>-худ<ожественном> кружке, состоявшийся на другой день после описанного мною визита к Брюсову, собрал много избранной публики, среди которой вспоминаю художников Гончарову и Ларионова, проф. Венгерова и др. Я прочел около тридцати стихотворений и был хорошо

принят. После меня выступил Брюсов, прочитав свои стихи, мне посвященные. Читал он резким, неприятным и высоким голосом, как-то выкрикивая окончанья строк. Но это было своеобразно, очень просто, и, конечно, исполнение его мне понравилось больше, чем замысловатое и пафосное чтение многих весьма именитых актрис и актеров, которого, откровенно говоря, я не выношу. После стихов дирекция кружка пригласила нас к ужину, во время которого мне пришлось быть объектом речей и тостов. <...>

Во время ужина В. Я., сидевший напротив меня, встал из-за стола и, подойдя ко мне и нагнувшись к уху, сказал, что две дамы просят разрешения меня поцеловать. Выслушав мое согласие, он провел меня в смежную гостиную, где познакомил меня с Н. Львовой, молодой поэтессой, подававшей большие надежды, вскоре покончившей жизнь самоубийством. Мы обменялись поцелуем с ней и её спутницей, фамилии которой я не запомнил. Между нами не было сказано ни слова. Это была наша единственная встреча. Я теперь уже не помню лица ее, но у меня осталось впечатление, что Львова не была красивой». (Ibidem.)

Вот так просто в биографию Игоря-Северянина оказалась вплетена судьба Надежды Львовой. Однако, чтобы правильно оценить этот эпизод, следует вытянуть из размахившегося клубка ещё пару женских историй

Нина Петровская

Не могу отделаться от ощущения, что второй дамой с которой целовался Игорь-Северянин у Брюсова была Нина Петровская. Она не оставила следа в памяти, потому что не имела яркой внешности и её неординарный поступок к 1912 году позабылся. Брюсов промолчал, а Петровская постеснялась напомнить о себе. Могло быть так? Могло, однако это была совсем другая женщина, имени которой мы не знаем.

В «Воспоминаниях» Нины Петровской находим:

«Стоя к “Триффу” ближе всех, я с первых же шагов поняла, какой червь выест, может быть, совершенно незаметно для публики слабую, но тогда ещё живую ткань сердцевины его.

Разговор об этом повёл к внутреннему расколу между мною и мужем редактором, потом к бесполезной борьбе и, наконец, к открытой вражде». (Н.Петровская. Воспоминания. («Литературное наследство», т. 85. М., «Наука».)

Брак с Сергеем Соколовым распался и в точном соответствии с правилами символизма, разрешающими быть одержимым чем угодно или кем угодно при условии полноты одержимости. После разрыва отношений с Соколовым Нина Петровская стала одержима по-этом Андреем Белым, чем изрядно его напугала.

Повторюсь, история хорошо известная специалистам и не раз описанная в литературе, за исключением, пожалуй, причастности к ней Игоря-Северянина и Лидии Рындиной.

Петровская входила в кружок «аргонавтов», в котором Андрей Белый начал выделять её с осени 1903 года. Сначала Петровская относится к Белому благоговейно, потому как считает его новым Христом. Духовную связь с Петровской красавец Белый воспринимает как воплощение качественно новых человеческих отношений — *мистериальной любви*.

Между тем в конце января 1904 года в поведении Петровской происходят существенные изменения в отношении к Андрею Белому, которые буквально потрясли его. Мирское и плотское в Петровской неожиданно взяло верх над горним и духовным:

«...вместо грёз о мистерии, братстве и сестринстве оказался просто роман <...> чувствовалось — недоумение, вопрос; и, главным образом, — чувствовался срыв: я ведь так старался пояснить Нине Ивановне, что между нами — Христос; она — соглашалась; и — потом, вдруг, — “такое”». (Литературное наследство», т. 85. М., «Наука», с. 334.)

Отношения Петровской — *грифихи* и *ангелоподобного* Андрея Белого не составляли тайны среди символистов. Брюсов, например, едко иронизировал над их мистериальной близостью.

В августе 1904 года следует разрыв отношений Нины Петровской с Белым и её сближение с Валерием Брюсовым. Брюсов немедленно предлагает ей союз против Белого. Образуется роковой треугольник Белый — Петровская — Брюсов.

В воспоминаниях Петровской находим:

«Офицеры, адвокаты, разжиревшие спекулянты, модные актёры и т. п.— вся эта нечисть, питавшаяся гноем эпохи перед 1905 годом, так и была уверена, что Брюсов ест засахаренные фиалки, по ночам рыскает по кладбищенским склепам, а днём, как фавн, играет с козами на несуществующих московских пастбищах!.. <...>

Валерия Брюсова сжигала мечта об увенчании русской литературы в веках и, “гордый, как знамя, острый, как меч” он шёл по пути, им сознательно намеченному (Ibid.)

По словам Петровской, её бывший муж Сергей Соколов — издатель «Гриф» всю жизнь люто ненавидел Брюсова и злорадно подсмеивался над ним:

«— Совершеннейший волк! Глаза горят, ребра втянуло, грудь провалилась. Волк, да ещё голодный, рыщет и ищет, кого бы разорвать!

Смешных легенд в те годы о Валерии Брюсове ходило множество, и все они почему-то окрашивались в один цвет: чёрный. Всего больше этому способствовали А.Белый и С.Соловьёв. Ничего, кроме облика лубочного демона, не “узрел” А. Белый в личности Брюсова — глубокой, неисчерпываемой, неповторимой...

Будучи человеком бездонных духовных глубин, Брюсов никогда не обнаруживал себя перед людьми в синтетической цельности. Он замыкался в стили, как в надёжные футляры, — это был органический метод его самозащиты, увы, кажется, мало кем понятый». (Ibid.)

В 1905 году Нина Ивановна стреляет в Белого. У Владислава Ходасевича в «Некрополе» находим:

«Впрочем, не слишком доверяя магии, Нина пыталась прибегнуть и к другим средствам. Весной 1905 года в малой аудитории Политехнического музея Белый читал лекцию. В антракте Нина Петровская подошла к нему и выстрелила из браунинга в упор. Револьвер дал осечку; его тут же выхватили из её рук. Замечательно, что второго покушения она не совершила. Однажды она сказала мне (много позже):

— Бог с ним. Ведь, по правде сказать, я уже убила его тогда, в музее.

Поэт Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев)

Этому “по правде сказать” я несколько не удивился: так перепутаны, так перемешаны были в сознании действительность и воображение». (Ibidem.)

Ходасевич подчёркивает сходство Нины Петровской с героиней «Огненного Ангела» Брюсова Ренатой. Сходство столь велико, что главу, посвящённую Петровской в своём «Некрополе», Ходасевич назвал «Конец Ренаты».

Хотя отношения внутри треугольника Белый — Петровская — Брюсов демонстрируют явные пересечения с сюжетом «Огненного Ангела», жизнь сложилась из похожих слов, но с другими сюжетными поворотами. У Ходасевича находим:

«В ночь на 23 февраля 1928 года, в Париже, в нищенском отеле нищенского квартала, открыв газ, покончила с собой писательница Нина Ивановна Петровская. Писательницей называли её по этому поводу в газетных заметках. Но такое прозвание как-то не вполне к ней подходит. По правде сказать, ею написанное было незначительно и по количеству, и по качеству. То небольшое дарование, которое у неё было, она не умела, а главное - вовсе и не хотела "истратить" на литературу. Однако в жизни литературной Москвы, между 1903-1909 гг., она сыграла видную роль. Её личность повлияла на такие обстоятельства и события, которые с её именем как будто вовсе и не связаны». (Ibid.)

Люди, знавшие Петровскую, красавицей её не считали, но у неё была роковая особенность влюблять в себя мужчин, особенно творческих, на чём и погорел златовласый красавец Андрей Белый.

После разрыва отношений с Брюсовым новый период в жизни Петровской последовательно ознаменован алкоголизмом и наркоманией. Пристрастившись к морфию сама, Петровская едва не умерла от передоза, но знатно отомстила Валерию Брюсову, успев до разрыва отношений прирастить к морфию и его.

В 1909 году Петровская на время покидала Россию, но как оказалось покинула навсегда. Она поехала лечиться в Европу и там прожила последние годы в нищете, не избавившись ни от одного из пагубных пристрастий. Не видя просвета, она попыталась покончить с собой, выбросившись из окна отеля. Осталась жива, однако получила серьёзную травму ноги.

Когда в январе 1928 года умерла её младшая сестра, она неудачно пыталась заразить себя трупным ядом, собранным на теле сестры — безрезультатно колола себя отравленной иглой. Через месяц, 23 февраля она отравилась газом в парижской гостинице.

*Полуавтоматический самозарядный FN Browning M.1900
Отнюдь не дамское оружие.*

И нет ничего удивительного в том, что после неудачного, — и это ещё как сказать! — покушения на Андрея Белого пистолет Петровской попадает в руки Валерия Брюсова. Ходасевич сначала называет его «револьвером» и тут же «браунингом».

Разница очевидна: револьвер — оружие с магазином в виде вращающегося барабана. Браунинг — работает по принципу отдачи свободного затвора, а плоский магазин с патронами помещается в рукоятке. Однако в России в начале прошлого века револьверами по инерции называли любые пистолеты.

Распространённый в России револьвер системы Нагана, оружие изящное, к тому же крайне редко даёт осечки, однако это не дамское оружие. Спрятать под юбкой или в чулке не получится, из сумочки, а тем более из муфты сходу вытащить невозможно.

Признаться, я всегда думал, что у Петровской был браунинг как минимум модели 1900 года — тоже громоздкий полуавтоматический пистолет, но уже входивший в моду. Мода как известно творит чудеса. Я ошибался. Но к этой ошибке мы ещё вернёмся

Лидия Рындина

В салоне Сологуба и его жены Анастасии Чеботаревской бывала одна актриса, к которой Игорь-Северянин был не совсем равнодушен:

«В один из званных вечеров я уединился в турецкой комнате с артисткой N. Мы долго с ней оживленно разговаривали и договорились в конце концов до бессловесных поцелуев. В разгаре их распахнулась дверь, и муж артистки, человек с большим в искусстве именем, предстал перед нами. Я приподнялся ему навстречу. Взволнованная актриса незаметно потянула меня сзади за фалды сюртука. “Александра (допустим, что ее так звали), пора домой”, – произнес он в дверях, мастерски владея собой, и, не дожидаясь жены, быстро вышел из комнаты. Я, мужа, конечно не задерживая, пробовал удерживать его жену. “Из этого может получиться слишком громохатальная история, – испуганно прошептала она, силясь пошутить и торопливо целуя меня на прощание. – Не провожайте меня, заклинаю Вас”. Но все же, пока они одевались, я вместе с хозяевами стоял в дверях передней». (Игорь-Северянин. Салон Сологуба»)

Артистка N, и это без сомнения, — Лидия Дмитриевна Рындина, а её муж — это основатель и главный редактор издательства символистов «Гриф» Сергей Алексеевич Соколов — известный поэт символист *Сергей Кречетов*.

Хозяйка салона Анастасия Чеботаревская по какой-то причине недолго любила Рындину и какое-то время принимала её из «дипломатических» соображений, но однажды письменно отказала ей от дома. Оскорбленная актриса потребовала от Игоря-Северянина, чтобы он отправился к Чеботаревской объясняться:

«Требование ее было попросту диким, но, каюсь, я был не совсем к ней, мягко поясняя, равнодушен и только поэтому, скрепя сердце, решил исполнить ее истерическое желание. “Я оберегаю Вас, молодого человека, от разлагающего влияния этой интриганки, – возмущалась Чеботаревская. – Мы с Фёдором Кузмичом любим Вас и заботимся. Да и вообще, на каком основании Вы взяли на себя роль парламентария?” Однако я категорически просил ее аннулировать утреннее письмо, на что негодующая Анастасия Николаевна долго упрямо не соглашалась. Целый вечер проговорили мы с ней, и лишь после того как я заявил, что от ее извинения перед госпожой Икс будет

зависеть мое дальнейшее с четою Сологубов знакомство, вынуждена была нехотя согласиться. На другое же утро почтальон принес обиженной примирительное (внешне) письмо, в котором Анастасия Николаевна просила извинить её за горячность». (Ibid.)

Рындиной поэт посвятил вторую книгу поэм «Златолира» и два стихотворения «Качалка грезёрки» и настоящий шедевр «Рондо»:

Читать тебе себя в лимонном будуаре,
Как яхту грёз, его приняв и любя...
Взамен неверных слов, взамен шаблонных арий,
 Читать тебе себя.

Прочувствовать тебя в лиловом пеньюаре,
Дробя грядущее и прошлое, дробя
Второстепенное, и сильным быть в ударе.

Увериться, что мир сосредоточен в паре:
Лишь в нас с тобой, лишь в нас! И только для тебя,
И только о тебе, венчая взор твой царий,
 Читать тебе себя!

Скандалный поэт входил в моду и это обстоятельство, сильно подогрело интерес Рындиной к Игорю-Северянину. Новичку надо было осваивать богемный образ жизни, и Рындина взялась быть его проводником:

«Одна актриса, изредка встречаемая мною в доме Сологуба, совершенно серьезно просила меня в одну из «лирических» минут выстрелить в нее из револьвера, но, разумеется, не попасть в цель. «Это было бы отлично для рекламы», – заискивающе откровенно пояснила она». (Ibid.)

Кстати, опытного богемца было бы трудно подписать на фарс с неудачным выстрелом. Своей весьма экстравагантной просьбой Рындина выясняет, как далеко может зайти сей юноша, воспевающий в стихах свои необыкновенные любовные приключения.

На минуту вернёмся к эпизоду, упомянутому в начале главы, тому, в котором Сергей Соколов находит жену в объятиях Игоря-Северянина. В дневнике Рындиной находим:

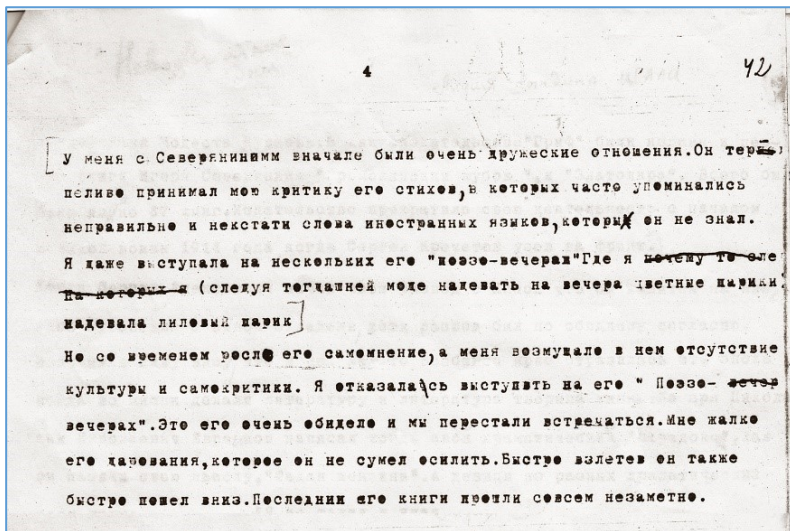
«13 февраля — среда. <...>

И главное в моей жизни этот год я скажу в конце сегодняшнего дневника, — это Игорь, да, Игорь Северянин, что говорит, что полюбил меня, что дарит мне свои стихи, что пишет их о мне, что проводит со мной долгие ночи. Я прихожу из театра в 11 часов после «Орленка», одеваю свой белый чепчик и сажу, и говорим, говорим, и целуемся, и я, не любя, — как-то люблю, и нет сил оттолкнуть, и люблю Сергея — но и Игоря. И его некрасивое лицо в тени у печи, и его звучный голос чарует меня, а его талант влечет, и я дарю ему себя на краткий срок, и не лгу Сергею, и рада, что Сергей понимает это. Я не уйду от Сергея, н<отому> ч<то> я люблю его, а не Игоря. Но душа Игоря мне близка, мучительно тянет меня к себе его талант, и я знаю, что просто все это не обойдется. И вот стоят присланные им на столе роза и лилия, и я думаю о том, что он придет сегодня или нет. И Сологубы, желая его оттолкнуть от меня, не подзревают, что нельзя обойти меня, нельзя взять у меня то, что я не отдам. И вот эти мои две недели в Петерб<урге> я дарю Игорю, их я буду жить для него, это моя плата, моя дань его таланту, его мукам. Сумеет ли он их принять?

А тут еще Русьева просит любви, разврата, хочет, чтоб я окунулась с ней в лесбос. Ах, жизнь, и жутка же ты! — и силой своей воли хочу я сделать из тебя сказку, хочу пережить не одну, а много жизней...» (Из дневников Л. Д. Рындиной / Публ. Н. А. Богомолова // Лица: Биографический альманах. 10. СПб., 2004.)

Пропустим без комментариев намёк на модные ныне лесбийские отношения с актрисой Марией Русьевой-Корчибашевой.

Фактически это признание Рындиной или, если хотите, просто свидетельство о романтической обстановке в лимонном будуаре, правда несколько приукрашенное, особенно в том месте, где Лидия Дмитриевна позиционирует себя в качестве подарка. Кроме дневника есть ещё её воспоминания «Невозвратные дни» — авторизованный машинописный текст которых я нашёл в РГАЛИ задолго до их публикации.

События в рукописи трансформированы вполне по Аристотелю: *«задача поэта — говорить не о происшедшем, а о том, что могло бы случиться, о возможном по вероятности или необходимости»*. Таковы воспоминания Рындиной один раз трансформированные по вероятности — талант влюблён, второй раз по необходимости — талант оказался с завышенным самонением:

«У меня с Северяниным в начале были очень дружеские отношения. Он терпеливо принимал мою критику его стихов, в которых часто упоминались неправильно и некстати слова иностранных языков, которых он не знал. Я даже выступала на нескольких его "поэзо-вечерах". Где я (следуя тогдашней моде надевать на вечера цветные парики надевала лиловый парик)

Но со временем росло его самонение, а меня возмущало в нём отсутствие культуры и самокритики. Я отказалась выступить на его "Поэзо-вечерах". Это его очень обидело, и мы перестали встречаться. Мне жалко его дарования, которое он не сумел осилить. Быстро взлетев он также быстро пошёл вниз. Последний его книги прошли совсем незаметно». (РГАЛИ, ф.2074, оп. 2, ед.хр. 9, л. 42).

А вот ещё одно воспоминание из того же источника, также трансформированное по необходимости. Его часто цитируют, не связывая с рассказом Игоря-Северянина «Салон Сологуба». Но мы-то знаем, что что встреча поэта с мужем Рындиной Сергеем Соколовым состоялась в турецкой комнате салона, где Лидия Дмитриевна пребывала в объятиях любовника:

«Как-то, когда я была с гастролировавшей в Петербурге труппой Незлобина, меня приехал навестить мой муж из Москвы. В один из вечеров, когда я играла, он пришел к Сологубам. Вернувшись, он мне сказал: “Знаешь, кого я у них встретил? Футуриста Игоря Северянина. Занятный тип! Он читал свои стихи. Федор Кузьмич считает его талантливым, мне тоже показалось, что у него есть дарование. Я предложил ему принести мне для просмотра все его стихи, просмотрю, что годится для печати, может быть, и издам”.

Через несколько дней у нас был Игорь Северянин. Гриф отобрал из вороха принесенных стихов то, что считал интересным и издал его первую книгу «Громокипящий кубок». Книга имела успех и сразу пошла». (Ibidem.)

Вынужден принять на веру: случайный подбор стихов и деление на нелепые разделы принадлежит не Игорю-Северянину, а Сергею Соколову. Если это не изощрённая месть одержимого символиста и обманутого мужа, то что более того? Однако «Громокипящий кубок» сыграл с Соколовым изрядную шутку: его вёрстка стала классической и сборник до революции выдержал 10 изданий, 7 из которых в издательстве «Гриф».

Вторая книга поэт «Златолира», целиком посвящённая Рындиной, показалась критике слабее «кубка», но и она выдержала в «Гриф» 5 изданий. Рецензия Валерия Брюсова на «Златолиру» показалась Игорю-Северянину несправедливой и недоброй, что в конечном итоге послужило к охлаждению отношений между поэтами. Рындина, кстати, обиделась тоже:

«Конечно, теперь, спустя чуть ли не тринадцать лет, когда охладился пыл момента, я вижу, что я несколько погорячился, но в ту пору я не мог поступить иначе, больше всего опасаясь, что мое молчание могло бы быть истолковано как боязнь перед “авторитетом”, что для меня, дерзкого в то время “новатора”, как называла меня тогда некоторая часть отечественной критики было бы чрезвычайно неудобно...

Несомненно, некоторую долю в возникновении моего “бунтарского” стихотворения ещё сыграла одна довольно известная, — увы, только в те годы — актриса, хорошо знавшая Брюсова и предупредившая меня не доверять всем его восторгам и комплиментам. “Берегитесь этого человека, — говорила она, — он жесток, бессердечен, завистлив и никогда ничего не делает без причины, без предвзятости, и, если он теперь хвалит вас и всячески обхаживает вокруг, это значит, ему так почему-то нужно и выгодно. Когда же для него в вас минет надобность, он начнет со спокойной совестью всячески вредить вам и никогда не простит вам вашего таланта. Он бросит вас, как надоевшую женщину”

И так как я совершенно не знал Брюсова как человека и вдобавок был целиком под чарами говорившей, я и припомнил ее слова, сказанные мне приблизительно за год до моего с Брюсовым конфликта». (Ibid.)

Примирение с Брюсовым состоялось 1 февраля 1917 года в одном из бакинских отелей — «Астории» или «Бристоле»:

«...мы сидели втроем: один именитый армянин города, Балкис Савская <Мария Волнянская> и я, когда вдруг неожиданно распахнулась дверь и без доклада, даже без стука, быстро вошёл улыбающийся Брюсов. До сих пор не знаю, как это произошло и был ли он осведомлен о моем в кабинете присутствии или же он вошел, предполагая найти в комнате, может быть, знакомого ему армянина, но только я поднялся с места, сделал невольный встречный к нему шаг. Этого было достаточно, чтобы мы заключили друг друга в объятия и за рюмкой токайского вина повели вновь оживленную — в этот раз как-то особенно — беседу.

Чудесно начатое знакомство закончилось не менее чудесно, и я все-таки склонен больше верить оставшимся на всю жизнь в моих глазах благожелательным и восторженным последним глазам Брюсова, сердечным интонациям его последнего голоса, головокружительности его последних похвал по моему адресу там, в Баку, чем злостным предостережениям давно переставшей меня чаровать чаровницы, в сущности далекой искусству и его жрецам». (Ibid.)

Должен признаться, что, раскрыв тайну американизированной актрисы из салона Сологуба, я сильно подставился. То было

время, когда мои изыскания и находки сильно раздражали любителей поэзии. Один из них, Лазарь Городницкий, кажется, инженер по профессии даже покинув Таллинн и поселившись в Германии, продолжал писать в мой адрес инвективы и разоблачения:

«Чтобы рельефнее очертить образ своей героини Северянин приводит пример, как эта актриса «совершенно серьёзно просила меня в одну из “лирических” минут выстрелить в неё из револьвера, но, разумеется, не попасть в цель. “Это было бы отлично для рекламы”, — заискивающе откровенно попросила она». <...>

С целью удержать интригу своего рассказа на точке кипения Северянин, естественно, не назвал имени своей героини. <...>

Автор <М.Петров. Дон-Жуанский список Игоря-Северянина. Таллинн. 2002>, только приоткрывший дверь в “северяниниану”, уже провидчески увидел в “американизированой” актрисе Лидию Рындино, супругу владельца московского издательства “Гриф” Сергея Соколова (псевд. Кречетов).

Осознавая, что в магию сейчас мало кто верит, Петров в качестве реального доказательства своего открытия <...> ссылается на экстравагантный способ рекламы <...>. Как профессиональный юрист Петров формулирует и мотив интереса Рындиной к Северянину: “... скандально известный поэт входил в моду. Новичку надо было освоить богемный образ жизни, и Рындина взялась быть его учительницей”.

Доводы и мотивы изложены Петровым в напористой и не вызывающей сомнения манере, и на этом фоне еле слышен голос самой Рындиной, рассказывающей о своих отношениях с четой Сологубов и отношениях её мужа с Брюсовым». <...> Может быть Михаил Петров писал не о Северянине, и не о Лидии Рындиной, и, вообще не о салоне Сологуба. А всё же о чём и о ком писал Петров?» (Лазарь Городницкий, «Салон Сологуба». Копия в архиве автора).

История, речь о которой ниже, хорошо известна литературоведам, но совершенно не известна любителям. Так о чём и о ком это я там писал?

Прежде всего я писал об отношениях Игоря-Северянина с Лидией Рындиной — поэт близко подобрался к её мужу хозяину издательства «Гриф» Сергею Соколову из туманной интимности лилового будуара его жены. Однако причём тут Брюсов?

При том, что уже в первую встречу с Игорем-Северяниным Валерий Яковлевич настоятельно рекомендовал найти издателя для большого сборника стихов:

«Разговор наш длился около часа. Он <Брюсов> настойчиво советовал мне подготовить к печати первый большой сборник стихов, повибрав их из моих бесчисленных брошюр.

— Это совершенно необходимо, — говорил он. — На что можно рассчитывать при тираже в сто экземпляров, при объёме в 12–20 страниц? Да вдобавок, как вы сообщаете, брошюры ваши почти целиком расходятся по редакциям «для отзыва», и в продажу поступает, быть может, одна четверть издания». (Ibid.)

Полагаю, тема издания сборника не раз дискутировалась в будуаре Лидии Дмитриевны:

Вообще Лидия Рындина была необычайно настырна и любопытна. Он всегда была в курсе дел и точно знала, что происходит с её мужчинами, а в особенности, с близкими к ней женщинами. Некоторое время Лидия Дмитриевна полагала, что, не выходя из будуара, она сорвала банк: вместо отдельных стихотворений на газетных страницах, ей посвящена целая книга модного автора.

Поэза «Нелли» из «Громокипящего кубка» посвящена Константину Олипову, к тому же написана в 1911 году, т.е. до знакомства с Рындиной. Однако велик соблазн сравнить два будуара:

В будуаре тоскующей нарумяненной Нелли,
Где под пудрой молитвенник, а на ней Поль-де-Кок,
Где брюссельское кружево... на платке из фланели!—
На кушетке загерзился молодой педагог.
<...>

Он читает ей Шницлера, Нелли нехотя слушает. Тогда он посвящает её в *коктэбли* (?). Восхвалив авиацию, осуждает Китай, и всё напрасно, потому что:

«Философия похоти!..» Нелли думает едко:
«Я в любви разуверилась, господин педагог...
О, когда бы на «Блерио» поместилась кушетка!
Интродукция — Гауптман, а финал — Поль-де-Кок!

В будуаре Рындиной Игорь-Северянин до поры сочетал приятное — *чужую жену с полезным — мужем-издателем*, тем более, что Лидия Дмитриевна не была в это время единственной дамой его сердца. Были в *дон-жуанском списке* поэта и другие не менее колоритные персонажи.

Лидия Дмитриевна никогда не забывала о своей предшественнице в должности жены издателя Соколова:

«Когда Сергей Алексеевич начал свой развод с Ниной чтобы жениться на мне, наши отношения с Ниной охладели, хотя развод был по обоюдному согласию. Вспоминая Нину вижу, что в ней как-то особенно ярко отразилась эта эпоха, когда из жизни делали литературу и литература творила жизнь. Не зря Николай Николаевич Евреинов написал свою пьесу «Такая женщина». А девицы из разных драматических школ пели:

*“Я не такая, я иная
Я вся из блесков и минут.
Во мне живут истомы рая,
Интимность, нега и уют!”*

То, что у других было часто поэзией, у Нины было искренне. Она вся была пролитературы того времени. Смесь Гамсуна с Шишбишевским. Тяжёлый мучительный человек для близких, она сама больше всех мучилась. Жизнь по литературе в те времена носила иной раз и комический характер. В подражание Шишбишевскому стали пить коньяк не рюмками, а стаканами, по ошибке переводчика. В польском языке слова рюмка не существует. Злые языки говорили, что больше всего за свою ошибку пострадал переводчик, симпатичны и красивый Володя Высоцкий. <...> Литература тогда не была чем-то отвлечённым: ею жили. “Всё в жизни не только ли средство для звонко певучих стихов!” Писал Валерий Брюсов!”

Мне даже импонирует, что Рындина поднялась в «Невозвратных днях» до философского осмысления эпохи: *из жизни делали литературу и затем литература творила жизнь*. Одержимость *новым Христом*, потом глубокое разочарование и неудачное покушение на развенчанного кумира; несмотря на осечку — *я его убила*; алкоголизм и наркомания – это ли литература, сотворённая жизнью?

Надежда Львова

Надежда Григорьевна Львова родилась 8 августа 1891 года в Подольске в семье мелкого почтового служащего. По свидетельству Владислава Ходасевича, в молодости Львова демонстрировала странный дефект речи — не могла нормально выговорить звук «ка» — произносила *'офе*, вместо *кофе*, *'ак* вместо *как*, *'инжал* вместо *кинжал*, *'оторый* вместо *который*, *'арета* вместо *карета*, и так далее. Потом это наваждение внезапно прошло.

Образование Надя получила в Москве в Елисаветинской гимназии, которую окончила с золотой медалью в 1908 году, тогда же была арестована за участие в подпольной большевистской организации. В гимназии она сошлась с местными хулиганами — будущим писателем Ильёй Эренбургом, большевиками Николаем Бухариным и Григорием Сокольниковым (Гиршем Бриллиант).

Илья Эренбург в книге воспоминаний «Люди, годы, жизнь» записал:

«Надя Львова была на полгода моложе меня, когда её арестовали, ей ещё не было семнадцати лет, и согласно закону, её вскоре выпустили до судебного разбирательства на поруки отца. Она ответила жандармскому полковнику: “Если вы меня выпустите, я буду продолжать моё дело”.

Надя любила стихи, пробовала читать мне Блока, Бальмонта, Брюсова. А я боялся всего, что может раздвоить человека: меня тянуло к искусству, и я его ненавидел. Я издевался над увлечением Нади, говорил, что стихи — вздор, “нужно взять себя в руки”. Несмотря на любовь к поэзии, она прекрасно выполняла все поручения подпольной организации. Это была милая девушка, скромная, с наивными глазами и с гладко зачёсанными назад русыми волосами. <...> Училась Надя в Елисаветинской гимназии, в шестнадцать лет перешла в восьмой класс и кончила гимназию с золотой медалью. Я часто думал: вот у кого сильный характер! <...>

Осенью 1913 года вышли две книги: «Старая сказка» Н.Львовой и «Стихи Нелли» без имени автора, посвящённые Н.Львовой, со вступительным стихотворением Брюсова, который был автором анонимной книги.

Брюсов говорил:

Пора сознаться я — не молод; скоро сорок...

Наде было на восемнадцать лет меньше. Она писала:

*Но, когда я хотела одна уйти домой, —
Я внезапно заметила, что Вы уже не молоды,
Что правый висок у вас почти седой, —
И мне от раскаянья стало холодно.*

Эти строки написаны осенью 1913 года, а 24 ноября Надя покончила жизнь самоубийством. Она переводила стихи Жюль Лафорга, который писал о невыносимой скуке воскресных дней; в одном из его стихотворений школьница неизвестно почему бросается с набережной в реку. Брюсов часто говорил о самоубийстве, над одним из своих стихотворений он поставил как эпиграф тютчевские слова:

*И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений —
Самоубийство и Любовь!*

А Надя застрелилась... <...> На её могиле (похоронили её в Марьиной роце) вырезана строка из Данте:

Любовь, которая ведёт нас к смерти.

Но я сейчас думаю не о Брюсове, а о Наде: что-то меня до сих пор волнует в её судьбе, есть близость, которая заставила меня теперь выделить рассказ о ней в отдельную главу. Да, конечно, она застрелилась, считая, что привела её к смерти любовь, — об этом говорят все её посмертно опубликованные стихи. Но, может быть, именно стихи привели её к смерти?

Человеку очень трудно даётся резкий переход от одного мира к другому. Надя любила Блока, но жила она книгами Чернышевского, Ленина, Плеханова, явками, “провалами”, суровым климатом революционного подполья. Она вдруг оказалась перенесённой в зыбкий климат сонетов, секстин, ассонансов и аллитераций». (Ibidem.)

Илья Эренбург.

Львова год училась на высших женских юридических курсах Варвары Полторацкой. Писать стихи начала в 1910 году, печататься с весны следующего года в журнале «Русская мысль». Вскоре состоялось знакомство с Брюсовым. Сам Брюсов относил начало романа с Львовой к 1911 году. А к 20 декабря 1912 года отношение Брюсова к Львовой оформилось в ухаживание, хотя и весьма странное: он как будто приучает Надю к мысли о самоубийстве, ибо *все в жизни есть средство для ярко-певучих стихов!* Цитату используют после обреза, а зря — вот какое у неё программное обрамление:

Всего будь холодный свидетель,
На все устремля свой взор.
Да будет твоя добродетель —
Готовность войти на костёр.

Быть может, всё в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов.

В минуты любовных объятий
К бесстрастью себя приневольт,
И в час беспощадных распятий
Прославь иступленную боль.

Будь холодный свидетель, к бесстрастью себя приневольт, твоей добродетелью будет готовность взойти на костёр, прославь иступлённую боль, и так далее. Оптимизмом тут и не пахнет. Это ли та литература, которая и жизнь делает ярко-певучей? Однако склонение Львовой к самоубийству Валерием Брюсовым не доказано. Стихи не в счёт. Пистолет в подарок тоже.

Под покровительством Брюсова Львова начала публиковаться в журналах «Женское дело» и «Новая жизнь», альманахах «Жатва» и «Мезонин поэзии». В 1913 году с предисловием Брюсова вышел единственный прижизненный сборник стихов «Старая сказка». Цитированный выше, Эренбург упоминает мистификацию Брюсова «Стихи Нелли», а Владислав Ходасевич раскрывает их тайну:

«Брюсов рассчитывал, что слова “Стихи Нелли” непосвящёнными будут поняты, как “Стихи, сочинённые Нелли”. Так и

НЕЛЛИ.

Твои стихи — не ровный ропотъ
Подъ вѣтромъ зашуршавшихъ травъ,
Не двухъ влюбленныхъ робкій шопотъ,
Не дѣтскій смѣхъ, въ чаду забавъ.

Въ твоихъ стихахъ — печальный опытъ
Страстей ненужныхъ, ложныхъ славъ;
Въ нихъ толпъ несчетныхъ грозный топотъ,
Въ нихъ запахъ сумрачныхъ отравъ!

На черномъ фонѣ ночи ранней,
Встаетъ костеръ любви, и дымъ,
Что мигъ, все гуще, все туманнѣй

Ложится надъ стихомъ твоимъ.
И вотъ, какъ плескъ волны прибрежной,
Послѣдній вздохъ, вздохъ безнадежный!

Валерій Брюсовъ.

случилось: и публика, и многие писатели поддались обману. В действительности подразумевалось, что слово “Нелли” стоит не в родительном, а в дательном падеже: стихи к Нелли, посвящённые Нелли.

Этим именем Брюсов звал Надю без посторонних». (В. Ходасевич. «Брюсов».)

А вот ещё любопытное воспоминание Ходасевича, относящееся к 1 декабря 1903 года, одновременно характеризующее будущее отношение Брюсова и к Нине Петровской, и к Надежде Львовой:

«В декабре 1903 года, в тот самый день, когда ему исполнилось тридцать лет, он сказал мне буквально так:

— Я хочу жить, чтобы в истории всеобщей литературы обо мне было две строчки. И они будут.

Однажды покойная поэтесса Надежда Львова сказала ему о каких-то его стихах, что они ей не нравятся. Брюсов оскалится своей, столь памятной многим, ласково-злой улыбкой и отвечал:

— А вот их будут учить наизусть в гимназиях, а таких девочек, как вы, будут наказывать, если плохо выучат. <...>

С лета 1913 г. она <Львова> стала очень грустна. Брюсов систематически приучал её к мысли о смерти, о самоубийстве. Однажды она показала мне револьвер — подарок Брюсова. Это был тот самый браунинг, из которого восемь лет тому назад Нина стреляла в Андрея Белого».(Ibid.)

Была ли Надежда Львова для Брюсова вторым изданием Нины Петровской, претворявшей литературу в жизнь, или была какая-то иная причина соблазнять самоубийством юную большевичку без вредных привычек? Настоящую причину самоубийства, если это действительно было самоубийство, мы уже никогда не узнаем, но Брюсов, и это без сомнения, каким-то образом причастен к инциденту, например, интересом к *достижению полноты одержимости.*

Современное литературоведение игнорирует важные аспекты духовной жизни дореволюционного обывателя, такие как дворянская честь и отношение христианина к самоубийству, например, в рассуждениях о трагедии Лермонтова.

Мы не знаем, была ли Надежда Львова убеждённой марксисткой и атеисткой, однако по свидетельству Эренбурга *«жила она книгами Чернышевского, Ленина, Плеханова, явками, “провалами”, суровым климатом революционного подполья».*

Мне кажется, что несмотря на скверную компанию гимназистки, марксизм прошёл мимо неё, не затронув глобально религиозное чувство. Во всяком случае Ленин и Плеханов в её стихах не вычитываются никак:

Боже мой! Боже мой! Я молитвы забыла.
В душе моей пусто... И темно, темно...
Мечта моя крылья святыя разбила...
Но я нынче молюсь, как когда-то давно.

Последнюю искру последнего света
Стараюсь разжечь в негасимый огонь,
Да не будет моление моё без ответа:
Не меня — его — своей благостью тронь.

И всё, что мне судил Ты благого,
Пусть вспыхнет пред ним вечным лучом!
Боже мой! Боже мой! Каждое слово,
Каждый мой вздох — о нём, о нём!..

1913

С трудом верится, что это написано чуждой Бога молодой женщиной, при чём незадолго до самоубийства. Для такого поступка нужны чрезвычайные обстоятельства, а не просто слегка затянувшаяся девичья депрессия или даже скука.

Как по мне, так стихи полны мрачного, но отнюдь не самоубийственного очарования. Кто из настоящих поэтов в молодости не заигрывал с неизбежным, не бравировал бесстрашием перед лицом смерти, не упивался собственной бесшабашностью в её присутствии, потому что *всё в жизни есть средство...*

В любые времена и везде начинающие поэты одинаково относятся к теме смерти. Тема постоянно присутствует в юношеских стихах, потому что это единственная философская категория, в которой они считают себя искушёнными. Чем больше удаётся нагнать мрака по поводу смерти, тем лучше. Начинаящая поэтесса Львова не исключение. Смерть — это то с чем она уже сталкивалась в жизни в отличие от любви. И в таком случае Брюсов не причает её к смерти, а подталкивает к развитию темы: *в твоих стихах печальный опыт....*

Так, например, в полной нежности колыбельной Львовай — «Verseuse» *уснуть без боли*, значит умереть:

Н. ЛЬВОВА

СТАРАЯ СКАЗКА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ДОПОЛНЕННОЕ
ПОСМЕРТНЫМИ СТИХОТВОРЕНИЯМИ

МОСКВА
Книгоиздательство «Альциона»
1914

Второе, посмертное издание.
Ныне библиографическая редкость

Все безнадежные усните без боли:
Где-то есть нежные просторы воли.
Счастье — нездешнее. Солнце — не жгучее.
Духи безгрешные любят — не мучая.
Сладкою ласкою забвение веет.
Вечною сказкою мгновение реет.
Тихо прощается всем ненавидящим.
Всё забывается сердцем невидящим.
Радость безбрежная бесстрастия и воли...
Все безнадежные усните без боли!

Развязка наступила в ночь на 24 ноября (с.с.) 1913 года в Москве — Львова, наконец, застрелилась.

Вусмерть перепуганный Брюсов просит имажиниста Вадима Шершеневича замять историю в прессе и не допустить упоминания его имени. Он словно забыл, что сделать это мог только отец поэта депутат Государственной Думы Габриэль Шершеневич, увы, к тому времени год как покойный. С аналогичной просьбой жена Брюсова обращается к Владиславу Ходасевичу, и тоже напрасно. Замять вчистую не удалось.

Популярный шансонье Михаил Савояров моментально откликнулся ядовитой «Брюквой для Брюса»

Ах ты, ну ты, ножки гнуты,
Надечка из Львова,
Говорят, на всё готова, —
Оказалось — нет!

Оказалось — отказалась,
Пистолетом помахала,
Дуло нюхала, стреляла,
На пол съехала, упала,

И поэзии не стало,
Всё исчезло, всё пропало,
— Ни-че-го.
Кроме Брюса конопатого
— Од-но-го.

1914.

Любопытная деталь: никто из мемуаристов, принимавших участие в отпевании и похоронах Надежды Григорьевны не упоминает о предсмертной записке, которая объясняла бы мотивы поступка — ну, поэтесса же! Запомним это обстоятельство, поскольку оно имеет существенное значение.

Так была предсмертная записка или её не было? Никто не говорит о записке, но все помнят систематические жалобы Львовой на скуку. Вот, например, Борис Садовской:

«Во второй половине ноября 1913 г. я приехал в Москву и раза два видел Надю. 24 ноября в воскресенье был я на именинах. Надя меня вызвала к телефону. Из отрывистых слов я понял, что ей нестерпимо скучно. — “Скучно, прощайте!” Домой я возвратился поздно. Едва успел сесть утром за самовар, как меня пригласила к телефону вчерашняя именинница. — “Слышали новость? Львова застрелилась”». (Борис Садовской, «Петербург», 1912—1916)

В тот же день Садовской получил от Львовой письмо, которое гналось за ним из Нижнего Новгорода, и оно отнюдь не было предсмертным.

Эренбург упоминает, что в 1913 году Львова переводила стихи Жюль Лафорга того самого, который писал о невыносимой скуке воскресных дней. На русский язык стихи Лафорга, кроме Львовой, переводили В.Брюсов, И.Коневской, В.Шершеневич, К.Большаков, И.Эренбург, Б.Лившиц, Э.Линецкая, В.Шор, Р.Дубровкин и др. Кроме Львовой никто из переводчиков от скуки не пострадал.

Так является ли скука основным мотивом самоубийства? Ещё раз дадим слово Борису Садовскому, которому в 1913 году показалось, что Львова поверила в свой талант:

«Встретившись с Надей проездом через Москву в Кружке, я чуть не ахнул. Куда девалась робкая провинциалочка? Модное платье с короткой юбкой, алая лента в чёрных волосах, уверенные манеры, прищуренные глаза. Даже “к” она выговаривала теперь как следует. В Кружке литераторы за ужином поили Надю шампанским и ликёрами. В её бедной студенческой комнатке появились флаконы с духами, вазы, картины, статуэтки». (Ibidem.)

Пожалуй, что не могла застрелиться уверенная в себе молодая дама, получившая к тому же литературное и отчасти светское признание. Именно уверенная, потому что избавилась, наконец, от

врождённого дефекта речи. Если верить обстоятельствам, то скучать ей было некогда — успешное творчество, наметившаяся светская жизнь, благожелательное внимание критики, романтическая — подпольная! — революционная работа. И вдруг скука. Как это там у Пушкина:

Фауст

Мне скучно, бес.

Мефистофель

Что делать, Фауст?

Таков вам положен предел,

Его ж никто не преступает.

Вся тварь разумная скучает:

Иной от лени, тот от дел;

Кто верит, кто утратил веру;

Тот насладиться не успел,

Тот насладился через меру,

И всяк зевает да живёт —

И всех вас гроб, зевая, ждёт.

Зевай и ты.

Подведём скромные итоги: мотив самоубийства не установлен, предсмертная записка отсутствует, очевидцы свидетельствуют, что по Львовой была отслужена панихида, а перед погребением на православном кладбище было совершено отпевание (чин погребения). Вообще-то с самоубийцами в церкви так не поступают.

Считается, что вопрос о церковном поминовении самоубийц допускает заочное отпевание человека, при жизни страдавшего умственным или психическим расстройством, которое и привело его к лишению себя жизни. Ни о чём подобном не упоминает никто из современников Львовой — в их глазах она не более безумна чем другие поэты. Отношение церкви к смерти Надежды Львовой свидетельствует о том, что церковного признания самого факта самоубийства не было. Странно, что никто не обратил на это внимание.

Наконец, мы ничего не знаем о характере и локализации смертельной раны. Армейский браунинг разворотил бы полголовы, но Садовский свидетельствует, что *«Надя лежала, как живая, в белом*

гробу в белом платье; глаза прищурены, губы тревожно, по-детски, полуоткрыты». Не обладая хотя бы минимальными навыками владения оружием, с первого выстрела попасть в сердце весьма проблематично, тем более, что анатомически оно расположено не совсем там, где обыкновенно хватаются сердечники во время приступа.

Садовской свидетельствует, что 27 ноября на отпевании *«покойница изменилась и похудела: нос, как это всегда бывает, казался темней лица»*. Погребение происходит всего-то на третий день после смерти. Зима, холодно, а кожные покровы внезапно потемнели, да так, что это бросается в глаза даже Садовскому. Что это? Тот, кто готовил тело к погребению пожалел пудру? Или есть другая причина?

Livor mortis или трупные пятна — это участки фиолетово-синюшной кожи. Пятна возникают потому что после остановки сердца под действием силы тяжести происходит перемещение крови и её концентрация в нижерасположенных участках тела — обыкновенно в области спины и ягодиц. Если трупные пятна расположены на груди, животе, бёдрах и лице — аж нос почернел, — это весьма необычно! Цвет трупных пятен зависит от причины смерти. В случае Львовой фиолетово-синюшный цвет кожных покровов в целом, может свидетельствовать об удушении. И вот тут первое, что приходит на ум — вмешательство большевиков-подпольщиков.

Мы не знаем какова была роль Надежды Львовой в подпольной революционной работе. Логично допустить, что обладание некоторыми секретами подпольщиков может быть смертельно опасным? Логично. Не знаем кому ещё кроме Садовского она звонила перед смертью. Могла со скуки позвонить кому-то из товарищей большевиков? Могла. Могли поэтессу тихо придушить, как до этого придушили в финских Озерках священника Георгия Гапона? Легко. И тогда стреляли уже в мёртвое тело. Публика легко поверила в самоубийство, потому что такая развязка была ожидаемой: Валерий Брюсов себе на беду заранее подсказал, как правильно оформить убийство, потому и сам испугался интерпретации своих наставлений.

Насильственная смерть Львовой по просьбе Охранного отделения могла быть представлена полицией как обычное — *со скуки* — самоубийство. И это вопрос оперативного интереса к Львовой и её товарищам по революционной работе. Мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем, в чём состоял интерес полиции и был ли он вообще.

Похоронили Надю у западной ограды Миусского кладбища. На надгробии была выбита строка, приписанная Данте: «*Любовь, которая ведёт нас к смерти*» (правильно: «*Любовь вдвоём на гибель нас вела*», IV:106). Могила не сохранилась. Миусское кладбище (изначально Дмитровское), основано в 1771 году во время эпидемии чумы. Чумных покойников хоронили за тогдашней городской чертой. Дмитровское кладбище самое маленькое и скромное из прочих московских чумных кладбищ и при том хуже всех сохранившееся.

Было в самом этом факте нечто для символистов буквально символическое: если поэзия заразна, то и хоронить поэтов следует за городской чертой, чтобы не плодить заразу.

Мне хочется плакать под плач оркестра.
Печален и строг мой профиль.
Я нынче чья-то траурная невеста...
Возьмите, я не буду пить кофе.

Мы празднуем мою близкую смерть.
Факелом вспыхнула на шляпе эгретка.
Вы улыбнётесь... О, случайный! Поверьте,
Я — только поэтка.

Слышите, как шагает по столикам Ночь?..
Её или Ваши на губах поцелуи?
Запахом дышат сладко-порочным
Над нами склонённые туи.

Радужные брызги хрустала —
Осколки моего недавнего бреда.
Скрипка застыла на жалобном la...
Нет и не будет рассвета!

1913, осень

Директор пятой школы города Подольска перед войной нашёл в мусорной куче недалеко от дома Львовых Надины рукописи — стихи и рисунки. Дом пережил войну. Снесли его только в морозную *оттепель шестидесятых*. На дрова, что ли для горисполкома...

Валерий Брюсов

Игорь-Северянин посвятил Валерию Брюсову сонет в сборнике «Медальоны»:

Его воспламенял призывный клич,
Кто б ни кричал — новатор или Батый...
Немедля честолюбец суховатый,
Приемля бунт, спешил его постичь.

Вносился грозный над рутинной бич
В руке самоуверенно зажатой,
Оплачивал новинку щедрой платой
По-европейски скроенный москвич.

Родясь дельцом и стать сумев поэтом,
Как часто голос свой срывал фальцетом,
В ненасытимой страсти всё губя!

Всю жизнь мечтая о себе, чугунном,
Готовый песни петь грядущих гуннам,
Не пощадил он — прежде всех — себя...

При всём желании не могу отнести сонет к комплементарным. Два года раньше Игорь-Северянин откликнулся на смерть Брюсова с большей эмпатией, если можно так выразиться:

Как жалки ваши шиканья и свист
Над мертвецом, бессмертием согретым:
Ведь этот «богохульный коммунист»
Был в творчестве божественным поэтом!..

Поэт играет мыслью, как дитя, —
Ну как в солдатики играют дети...
Он зачастую шутит, не шутя,
И это так легко понять в поэте...

Он умер оттого, что он, поэт,
Увидел Музу в проститутском гриме.
Он умер оттого, что жизни нет,
А лишь марионетковое джимми...

Нас, избранных, все меньше с каждым днём:
Умолкнул Блок, не слышно Гумилева.
Когда ты с ним останешься вдвоём,
Прости его, самоубийца Львова...

Душа скорбит. Поникла голова.
Смотрю в окно: лес жёлт, поля нагие.
Как выглядит без Брюсова Москва?
Не так же ли, как без Москвы — Россия?..

Jägwe, 16 окт. 1924 г. Лирика. 1918-1928

Это и есть то самое стихотворение, которому в далёком 1986 году я устроил первую публикацию, кажется, что в газете «Советская Эстония». Увы не могу проверить — доинтернетовские времена! Вырезка с годами потерялась. Да, уже и не важно... Время таких — *первопечатных* — публикаций давно прошло.

Утешает меня только то, что в домашнем архиве всего две утраты. Вторая — вырезка, кажется, что из Литературной газеты с заметкой моего однофамильца Григория Петрова, о том, как в 1940 году поэт встречал в Усть-Нарве красноармейцев, выйдя из двухэтажной парикмахерской, *увитой рыбацкими сетями*: — Я русский поэт!

Михаил Кудрявцев

Был у меня в Москве знакомый антиквар Михаил Елиазарович Кудрявцев и было такое время, когда я часто бывал в Москве. Маршруты по городу я складывал так, чтобы в середине дня оказаться в Калашном переулке в антикварной лавке напротив грузинского кафе. Обеду предшествовало посещение букинистического отдела на втором этаже и общение с Кудрявцевым на первом.

Однажды он попросил меня свидетельствовать подлинность 24 автографов Игоря-Северянина на книгах и отдельных листах. Подлинность не вызвала сомнений. Мне даже позволили сделать копии, а Кудрявцев подарил мне двойной автограф Игоря-Северянина и Алексиса Раннита литовской поэтессе Петре Ориентайте на книге переводов «В оконном переплёте».

МИХАИЛ КУДРЯВЦЕВ

Однажды
утренней
порой...

СТИХИ

Михаилу Петрову :

Про стихи, про любовь, про берёзки
От поэта, и даже от тётушки

М. Кудрявцев
05.07.02

Москва
1998

И мне досталось

Возможно потому подарил, что для Москвы прибалтийские персонажи интереса не представляют. А возможно и другое объяснение: Кудрявцев отлично понимал, что двойной автограф будет куда уместнее в Таллинне, поскольку это достояние русской культуры в Эстонии. Такое объяснение мне понятнее и ближе.

В этот день в лавке разбирали старинную мебель. В ящике огромного письменного стола нашлась деревянная шкатулка без боковой стенки. Её хотели выбросить как безнадежно утратившую товарный вид, но я уговорил отдать её мне. Обожаю шкатулки!

Подарки я отпраздновал в кафе наваристым обжигающим харчо. У тамошней по девичьи хрупкой официантки был зычный командирский голос: «*Харчо клиенту и погорячей!*». И повар всегда разогревал его специально для меня. Плюс шашлык и ледяная водка.

Шкатулку я привёз домой и забыл о ней лет на десять. Потом она оказалась на даче в ожидании реставрации. Так случилось, что реставрация тоже затянулась лет на десять.

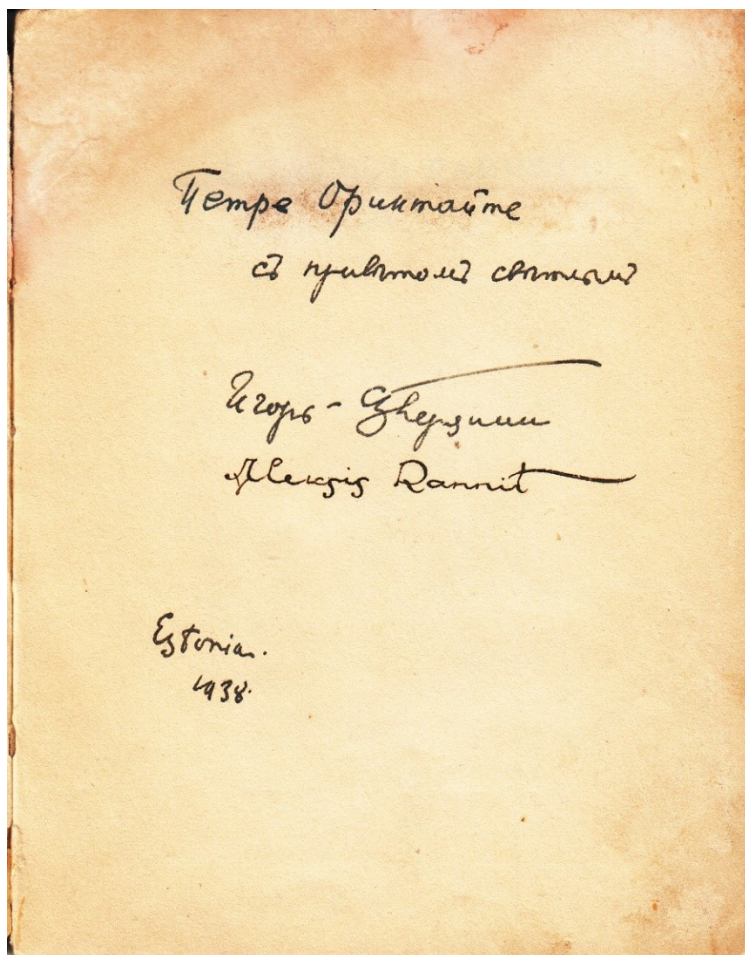
Людмила Путина

Через пару лет по освидетельствовании автографов я прочёл в интернете, что «*после получения экспертного заключения о подлинности автографов Игоря Северянина бизнесмен подарил Людмиле Александровне Путиной 23 автографа поэта*». Людмила Путина, тогда ещё жена президента Российской Федерации Владимира Путина передала автографы в Государственную библиотеку (бывшую имени Ленина).

А вскоре не стало Михаила Елиазаровича. Его дары нам обоим оказались прощальными. Он вообще любил дарить книги, что видно по стихотворному экспромту на подаренном мне сборнике стихов «*Однажды утренней порой*». Подарки он обыкновенно сопровождал весёлыми или ироничными стихотворными посвящениями вроде этого:

*Надпись на иллюстрированном
томике Пушкина «Евгений Онегин»*

Как можно грешною рукой
Чернить священные листы?!

Двойной автограф на книжке переводов Игоря-Северянина из Алексиса Раннита «В оконном переплѣте», Таллинн, 1938.

*Издательство Академического Союза
Объединѣнных искусств*

Ах, боже мой, ах, боже мой, —
На что меня толкаешь ты?!

Представь — минует много лет,
Души моей иссякнет хмель,
И самый злой пушкиновед
Пришлёт мне вызов на дуэль.

Лишь миг до страшного суда
Блеснёт металл — и грянет гром,
Мораль известна — как всегда,
Виновна женщина во всем.

Михаил Петров

Двадцать лет спустя у меня, наконец, дошли руки до реставрации шкатулки — удачно сложились интерес, время и материалы. Так что недостающую стеночку я быстро вправил на место, а когда клей подсох, снаружи покрыл шкатулку акриловым лаком. Внутри я ничего не трогал — необходимости такой не было. Вот тут-то всё и случилось — внезапно раскрылась тайна шкатулки.

В боковом свете я увидел то, что увидеть никак не ожидал: внутренняя обивка вверху и внизу сохранила отпечаток небольшого пистолета и даже следы оружейной смазки.

Джон Мозес Браунинг

В магазине игрушек я заказал в металле масштабную копию пистолета браунинг модели 1905 года, который за его малые размеры иногда называют дамским. И о чудо, он точно лёг в отпечаток оружия, опечатавшийся когда-то в шкатулке.

Краткая история артефакта такова: компания Fabrique Nationale (FN), чей вензель хранит рукоять оружия, рассчитывая на хорошие продажи, заказала конструктору Джону Мозесу Браунингу разработку компактного пистолета для самообороны на короткой

дистанции. Браунинг спроектировал самозарядный пистолет, который мог бы уместиться в жилетном кармане и в 1905 году запатентовал его в Бельгии. В том же году новая модель под названием Browning 6.35 mm поступила в продажу.

Модель была снабжена предохранителем, который позволял произвести выстрел, только, если рукоять была зажата в ладони и новый выстрел, если стрелок позволял спусковому механизму вернуться в исходное положение. При наличии дополнительного магазина перезарядка оружия осуществлялась почти мгновенно. Прицельное устройство отсутствовало в связи с ненужностью.

Первое время по дате получения патента пистолет называли «Модель 1905 года» или Modèle de Poche, т.е. *модель карманная*. Впоследствии за оружием закрепилось название FN Browning M 1906, поскольку именно в этом году начался его серийный выпуск. Специально для этой модели выпускалась кобура в форме дамского кошелька на защёлке.

В каталоге торгового дома О.Фальковского и М. Широко-ряденко начала XX века указана цена на пистолет Браунинг 1906 года — 17 рублей за обычную модель и 23 рубля за модель Lux с художественной гравировкой. Для сравнения: цена револьвера Наган по тому же каталогу составляла 26 рублей, а немецкого Parabellum — 38 рублей (примерно треть офицерского жалования).

Highly Likely

Сожалею, что не поинтересовался в чьём столе была найдена шкатулка. Тогда возобладали эмоции по поводу подаренного мне двойного автографа. А теперь, когда прошло столько времени, и спросить-то не у кого. Признаюсь, я не проявил тогда должного интереса к шкатулке — *mea culpa, mea maxima culpa*. И, тем не менее, у нас есть, что подложить под знаменитое британское *highly likely*:

Во-первых, предметы — 24 автографа Игоря-Северянина, мебель и шкатулка — сошлись в одном месте и в одно время, что косвенно указывает на условно *литературное* происхождение оружия.

Во-вторых, оттиск некогда хранившегося в шкатулке пистолета совпал с габаритами дамского браунинга 1905 года.

Модель 1906 года с двумя предохранителями.

Шкатулка с копией модели браунинга 1906 года.

В-третьих, шкатулка сохранила следы длительного хранения оружия, за которым ухаживали, хотя и не часто на что указывают следы оружейной смазки.

В-четвёртых, логично предположить, что пистолет, давший осечку в руке Нины Петровской, был именно браунингом модели 1905 года. Осечка могла произойти по причине недоработок в системе самого оружия — фактор новизны! — или по вине не до конца протестированного и освоённого фабрикой боеприпаса 6,35×15 Browning или патрона 6,35×15,5 mm HR (Halb-Rand).

В-пятых, логично предположить, что 23 ноября 1913 года оружие «самоубийцы» Львовой московская полиция изъяла с места происшествия. Однако шкатулку хранили даже тогда, когда оружие было утрачено, видимо, потому что это была особо памятная вещь. Могла ли шкатулка оказаться у Брюсова или, скорее всего, у кого-то в его окружении? Могла. Вряд ли Брюсов был заинтересован сохранить улику против себя.

Наконец, в-шестых, старинный письменный стол и автографы Игоря-Северянина в таком количестве сошлись в одном месте не случайно. Между ними и оружейной шкатулкой должна быть какая-то связь, неочевидная нам сейчас. Мы её не видим, а она есть, как тот знаменитый суслик.

Причина смерти Львовой не установлена,
факт самоубийства не находит подтверждения,
вина Брюсова в подстрекательстве к самоубийству
не доказана, предсмертной записки нет, что в целом
печально.

Покойный антиквар изящно соединил автографы поэта со мной, Людмилой Путиной и Государственной библиотекой, а шкатулку с историей покушения на Андрея Белого, с самоубийством Львовой и с экстравагантной рекламной просьбой Лидии Рындиной к Игорю-Северянину.

Я в восхищении!

